

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л33

Иллюстрация на обложке
Сергея Февралева

Лебедев, Игорь Геннадьевич.
Л33   **Формула алхимика / Игорь Лебедев. —**
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105462-5

Расследуя смерть студента, сыщик Ардов выходит на опального ученого-алхимика Горского, который сумел постичь тайну трансмутации золота.

Однако Горский умирает при загадочных обстоятельствах, а таинственная формула оказывается в руках злоумышленников, которые начинают шантажировать правительство. Они обещают с легкостью обвалить национальную валюту.

Кажется, что крах российской экономики неминуем. Обер-полицейстер поручает Ардову выяснить, действительно ли пропавшая формула позволяет производить дешевое золото. От ответа на этот вопрос зависит судьба империи...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105462-5

© Лебедев И.Г., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

МАДАМ ЭНТЕВИ

Дрожащий свет керосинки, ограниченный большим бордовым абажуром, выхватывал из полумрака лакированную поверхность круглого стола, над которым зависло кольцо сцепленных рук.

— Ближится срок... — раздался глухой, слегка грассирующий голос мадам Энтеви — грузноватой женщины, облаченной в чалму и черную хламиду; ее глаза были прикрыты, а лицо походило на посмертную гипсовую маску. — Энергия лучей Ориона просветит сознание... Тот, кто уцелеет, станет посвященным шестой расы. Именно он совершит Преображение...

Сообщение о визите в Петербург непревзойденной медиумистки мадам Энтеви появилось пару недель назад сразу во всех газетах. В журнале «Ребусъ» вышла статья на три разворота с подробным изложением невероятной биографии легендарной француженки с примерами особо значимых достижений. Поми-

мо разговоров с душами умерших, мадам Энтеви славилась способностью материализовывать различных существ посредством источаемой из собственного тела эктоплазмы. В «Ребусе» были приведены фотоснимки, на которых весьма отчетливо различался не до конца сформировавшийся фантом бородатого мужчины в чалме и белых покрывалах, представлявшийся присутствующим Бьеном Боа. «Это было теплое, очевидно со своим кровообращением, физиологическими процессами (в частности, дыханием) тело, обладавшее индивидуальностью и волей, отличной от воли медиума, другими словами, новое человеческое существо! Это, несомненно, чудеснее всех чудес», — описывал фантом французский ученый Шарль Рише¹, ведший наблюдение за медиумом на вилле Кармен в Алжире.

Мадам Энтеви пообещала дать в российской столице только три сеанса. Цены кусались. Однако после репортажа в «Ребусе» о первом сеансе оставшиеся билеты были раскуплены уже к полудню. Из заметки следовало, что в медиумическую мадам вне всяких сомнений вселялись подлинныe души усопших, ибо знать такие мелкие детали, такие интимные подробности своей земной жизни никто, кроме них, решительно не мог.

---

¹ Шарль Робер Рише (1850–1935) — французский физиолог, исследователь спиритизма.

Спустя неделю, в пятницу вечером, счастливики собрались на второй сеанс в меблированных комнатах дома Агатовой в Гусарском переулке. Стол находился внутри шатра, образованного бордовыми бархатными полотнами ткани, поднимавшимися от пола к потолку, где сходились в единую точку над столом. Оттуда спускался шнур с большим абажуром, покачивавшимся над столом. Ни стен, ни окон, ни дверей видно не было.

Раздавались таинственные звуки, похожие на звон хрустальных колокольчиков, к которым подмешивался какой-то неясный скрип и постукивание.

Сеанс близился к завершению. Генеральша Сторожева уже успела испросить совета у покойного супруга, ехать ли ей одной на воды; дух генерала поездку благословил, а также поведал, что колечко, которое недавно пропало, на самом деле закатилось за часы на каминной полке — там и следует искать.

— Есть часы! — просияла генеральша, обращаясь к собравшимся. — Тяжеленные, с места не сдвинешь: два пуда, не меньше. В гостиной стоят.

По просьбе банкира Калмана Натановича Герберга потревожили дух Майера Ротшильда — основателя банкирской династии, пользующейся непререкаемым авторитетом у финансистов всего мира вот уже более ста лет, с той поры, как он принялся обменивать монеты гер-

манских княжеств в своей франкфуртской лавке, из которой и вырос его первый банк. Услышанный неделю назад путанный рассказ золотопромышленника Ротова о неблагоприятных финансовых прогнозах, полученных на первом сеансе от духа Блаватской¹, вызвал у Калмана Натановича сильное беспокойство: купец уверял, что звезда теософии посоветовала ему сворачивать дела в России и срочно вывозить золото с приисков — куда угодно, но лучше в Лондон. Ротов уже заказал контрабандный канал в Китай, чтобы оттуда двинуть через Гонконг к берегам туманного Альбиона. Свести дело на шутку у Герберга так и не вышло: купец явно поверил покойнице: «Вы же понимаете, она сестра министра финансов, Витте², просто так болтать не станет — ей явно открыто большее».

Последним оставался профессор Горский. Он, как и купец Ротов неделей ранее, пожелал говорить с госпожой Блаватской — великая ученица белого братства тибетских махатм пользовалась на сеансах повышенным спросом. На сей раз старушка долго не подавала признаков присутствия. Пот крупными капля-

---

¹ Елена Блаватская (1831–1891) — религиозный философ, считала себя избранницей неких духовных учителей (махатм), от которых получала знания.

² Сергей Витте — министр финансов (1892–1903), осуществил введение в России денежной системы «золотого стандарта» (1897).

ми катился по мясистому лицу медиумической мадам, казалось, она едва удерживается, чтобы не свалиться со стула. Наконец француженка начала бормотать какую-то мантру на санскрите, а потом уведомила о скором преобразении человечества. Присутствующие благоговежно молчали.

— Чего не хватает в моей формуле? — выкрикнул профессор и подался вперед.

В этот момент стол медленно поднялся над полом не менее чем на фут и начал плавное вращение. Левитация мебели произвела сильнейшее впечатление на собравшихся. Раздались всхлипы и возгласы. Мадам Энтеви оставалась неподвижной, но от величайшего напряжения затряслась мелкой дрожью. Такой же дрожью задрезбжали и чашечки на столе, из которых гостей угощали особым индийским чаем.

— Рецепт истинной сомы утрачен... — глухо произнесла она, повинувшись духу великой теософши. — Его нет ни в книгах, ни в преданиях. Даже великие раджи получают ложный сок.

— Пожалуй, нам пора заканчивать... — прошептал раскрасневшийся штабс-капитан, пытаясь сохранять присутствие духа.

— Где? — воскликнул профессор. — Где взять рецепт подлинного сока?

— Оммм... — загудела низким голосом мадам Энтеви. — Ваджра-саттва-сама-я, ваджра-сат-

◆ *Игорь ЛЕБЕДЕВ*

тва-твено-па, бхава ману-пала-я, татхагата-ваджра-саттва... омммм...

Горский вырвал руки из медиумической цепи, схватил со стола приготовленный карандаш и принялся записывать слова мантры в миниатюрную книжечку, обтянутую вишневым бархатом.

Глава 2

ТРУП ВО ДВОРЕ ДОМА 119

Чиновник сыскного отделения третьего участка Спасской части Илья Алексеевич Ардов осматривал стены арки, ведущей во двор дома 119 по набережной Фонтанки. Под сводами было темновато. Старший дворник Сидоров водил фонарем, освещая участки, на которые устремлял взор сыщик. Стены были обильно покрыты пятнами крови, стекшей струйками вниз; имелись следы рук. Темнели пятна и на земле. Илья Алексеевич поднял с земли студенческую фуражку, повертел. Эмблемы не было.

Ближе к выходу во двор навзничь лежал труп молодого человека в старом офицерском кителе без погон, гимназических брюках и сандалиях. Голова была неестественно откинута в сторону, руки сжимали горло, рассеченное одним порезом от уха до уха. Гимнастерка на груди вся пропиталась кровью. У изголовья молча стоял городской и смотрел в сторону.

Криминалист Жарков поднялся от трупа и подошел к Ардову, указав на стену в том месте, где начинались кровавые потеки.

— Полоснули здесь, — начал он реконструкцию происшествия. — Убийца того же роста, что и жертва, — не ниже пяти футов четырех дюймов. Вероятно, поджидал на этом месте. Дождя, пока пройдет мимо, подскочил сзади и махнул.

Жарков показал, каким движением преступник нанес смертельную рану.

— Сопротивления не было. Убийца перерезал яремную вену, так что парень истек кровью буквально за мгновенья. Сделал пару шагов и... — Петр Павлович кивнул в сторону тела.

— Почему вы думаете, что ждал? — возразил Илья Алексеевич. — Преступник мог двигаться следом, а здесь нагнал.

— Если бы нагонял, жертва наверняка обернулась бы на шум. Такой чистой линии не получилось бы.

Криминалист провел ногтем большого пальца по своей шее, показывая, какой разрез был сделан на шее молодого человека.

— Ну, или были знакомы и шли вместе, — продолжил размышления Илья Алексеевич и наклонился, заметив что-то любопытное у себя под ногами.

— Пожалуй, возможно и такое, — согласился Петр Павлович. — Если полностью доверял

спутнику, то мог и не придать значения маневру. Шли, беседовали...

Ардов поднял с земли и протянул коллеге дамскую шпильку с миниатюрным перламутровым цветком. Тот повертел ее в руках.

— Хм... Бог знает, сколько она здесь пролежала, Илья Алексеевич, — усомнился он, но все же извлек из кармана бумажный конверт и опустил в него улику.

Ардов подошел к бездыханному телу.

— Края пореза удивительно ровные, — отметил Петр Павлович, подойдя следом.

— Очень острый нож?

Криминалист пожал плечами:

— Не исключал бы и бритву. Трахея рассечена на редкость чисто.

— Выходит, убийца готовился заранее.

— Да уж, аффект не просматривается.

Сыщик обернулся к старшему дворнику и кивнул на труп:

— Вы его знаете?

— Никак нет! — с готовностью откликнулся бородач. — Не наш жилец.

— И не встречали?

— Не припомню, ваше благородие.

Ардов обратил вопросительный взгляд к городовому, тот отрицательно помотал головой — тоже не знает.

За спинами чинов полиции раздался грохот подводы, прибывшей под предводитель-

ством рыжебородого околоточного надзирателя Свинцова.

— Прикажете грузить, ваше благородие? — бодро справился он.

— Грузите.

Илья Алексеевич передал околоточному найденную фуражку и отправился осматривать двор вместе с Жарковым.

— Что ж ты, еловая душа, такие происшествия у себя допускаешь? — тут же насел Свинцов на старшего дворника, одновременно давая знак городовому и еще паре мужиков из домовой обслуги, стоявшим поодаль в ожидании команды к погрузке.

— Небывалое дело, господин околоточный надзиратель!

— За что ж мы тебе медаль давали? — не унимался Свинцов, находивший некоторое спасение от скуки, страшая старика. — Мы тебе медаль, а ты нам — пожалуйста: жмура при всем параде. Хороша благодарность. Ох и расстроится Евсей Макарыч... Ох и будет кричать... «Зачем же мы Даниле Аристарховичу медаль дали? — будет кричать. — Лучше бы Авдей Гаврилычу из 36-го дома дали! У него, поди, жмуры по подворотням не валяются. У него, поди, порядок в хозяйстве»...

— Прошу заметить, первый раз за тридцать шесть лет беспорочной службы! — не различив шуточного тона околоточного, дрогнувшим

голосом взялся оправдываться старший дворник.

— Что же, что тридцать шесть, — гнул свое Свинцов, пряча улыбку в бороду. — Авдей Гаврилыч, поди, жмуров у себя не разбрасывает, от него такого не жди.

— У Авдей Гаврилыча третьего дня драка во дворе была! — заступился за своего начальника младший дворник, привлеченный к погрузке. — У них там водопроводчик жильца избил!..

Общими усилиями тело было перенесено на дубовые доски подводы, которые извозчик предварительно застелил клеенкой.

